

Екатерина Бакулина

Любовница
ИМПЕРАТОРА
АВИСКОТЫ

16+

Екатерина Бакулина Любовница императора Авискоты

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65477757
SelfPub; 2021*

Аннотация

Меня зовут Мэрион, еще недавно я работала в Доме Желтых Лилий в Нижнем порту, куда меня продал отец, чтобы расплатиться с долгами. Но рассказать я хочу не о себе, а о человеке, который изменил всю мою жизнь. Моем первым и, наверно, последнем мужчине. Нет, не единственным. Между нашей первой и второй встречей прошло больше шестнадцати лет, я повидала всякое. Но с ним... ни в первую, ни во вторую встречу я не знала – кто он. И, уж тем более, я не могла представить, чем эти встречи могут обернуться для меня... Для нас обоих.

Содержание

1. Первый раз	4
2. И то, что потом	13
3. Второй	19
4. Расплата	34
5. Третий	45
6. Герцог Давера	56
7. Четвертый раз	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Екатерина Бакулина Любовница императора Авискоты

1. Первый раз

В тот первый раз он был еще совсем мальчишкой.

Благородным и очень обеспеченным мальчишкой даже на первый взгляд, хотя притворялся простым матросом, и даже одет был как надо, явно с чужого плеча.

Пришел вместе другом.

Такие, как он, могли бы легко позволить себе куда больше, чем дешевый бордель в порту, в столице хватает таких заведений. И девочки будут чище, и номера куда как прибраннее, без клопов и продавленных кроватей. Но ему, как настоящему мальчишке, хотелось приключений. А еще – не хотелось быть узнанным, мало ли, кого встретишь в приличных местах.

Они потребовали девочек помоложе и посвежее. Вернее, этого потребовал его друг, а ему... Это был подарок. На свадьбу. У него свадьба на следующий день... а мальчик еще так мало видел в жизни. Нет, опыт у мальчика был, но, как я поняла, не слишком большой.

Я была в ужасе. Для меня это совсем первый раз.

Меня привели... приодели, причесали, как могли, на скорую руку, чтобы я молодому господину понравилась. Чужое платье оказалось мне коротко, но слишком широко в груди, впрочем, все равно лучше, чем мое собственное. Подкладка расшитого люрексом лифа колола кожу... на голое тело.

– Вот! Невинная, как утренняя роса! Специально для вас, господа! – радостно объявила мамаша Бо. – Юная и нежная, как лепесток розы! Всего втрое от обычной цены! За девственницу – это почти даром!

И, не моргнув глазом, назвала цену вдесятеро.

Господа матросы, да... матушка Бо делала вид, что верит маскараду, хотя ее-то не проведешь. Я сама тогда еще не могла с первого взгляда распознать обман, но поняла потом. Они были совсем другими – чистыми, ухоженными, так и лоснящимся от благополучия.

Я смотрела на них, и слезы застилали глаза. Но плакать нельзя, я должна улыбаться, иначе меня снова побьют. У мамаша Бо умеют бить так, чтобы следов не оставалось, но невыносимо больно.

И все же, я так надеялась, что это будет не так скоро. Что я так и буду мыть здесь полы, штопать одежду. Я не хочу...

– Идет! – так же, не моргнув глазом, согласился белобрысый. Он был немного выше и шире в плечах, и такие ослепительно-голубые глаза. – Если Рико она понравится, я заплачу. Это подарок!

Рико – второй. Чуть пониже, хотя все равно на полголовы выше меня, посмуглее, волосы каштановыми кудрями, глаза... нет, глаза я смогла разглядеть только потом.

Этот Рико подошел.

Он долго смотрел на меня сверху вниз, оценивая. Так, что под его взглядом дрожали колени. Близко. От него пахло дорогими духами, легко и непривычно-изыскано.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Зачем тебе ее имя? – засмеялся белобрысый, – женишься ты не на ней.

– Я хочу знать.

– Мэр, – сказала я. – Меня зовут Мэр.

Я должна быть послушной.

Он чуть склонил голову. Дотронулся до искусственного алого цветка в моих волосах, немного брезгливо.

– И что ты умеешь, Мэр?

– Она ничего не умеет, она девственница, – снова отозвался белобрысый. – Но так даже лучше. Завтра у тебя будет такая же, можешь сравнить. И потренироваться заодно. Если окажется девственница, конечно. Они обе.

Засмеялся.

Я вздрогнула. И тогда впервые испуганно посмотрела Рико в глаза.

Он улыбнулся мне. Чуть напряженно, но все же, как взрослый ребенку, снисходительно.

Взял за подбородок.

– Хорошо, я беру ее.

* * *

Он закрыл дверь.

– Боишься?

Стоял чуть позади, за моим плечом.

– Нет, – сказала я.

– Ты вся дрожишь.

Его дыхание на моей шее.

– Немного волнуюсь.

Нет, наедине с ним страха почти не было. Я даже подумала, что мне повезло, ведь первым мне мог попасться похотливый вонючий беззубый старик, любитель девочек. А этот парень едва старше меня. Просто парень. Да встретить я его на улице... нет, на меня такой бы никогда не посмотрел. Из благородных.

И еще – он сам волновался. То есть... не совсем так. Он не смущался, нет, вот смущения в нем не было ни на грош. Он был уверен в себе. Он просто не очень понимал, что со мной делать. Не с девушкой в принципе, а именно сейчас, со мной.

– Для тебя это и правда первый раз? – спросил, обходя вокруг, разглядывая меня со всех сторон.

– Да, – сказала я.

– Ты давно здесь?

– Чуть меньше недели.

– И как ты сюда попала?

Я подняла на него глаза.

Он смотрел прямо, открыто, с интересом, чуть склонив голову на бок. Глаза у него темно-серые, почти черные в блеклом свете керосиновой лампы на столе. Едва уловимая ухмылка на губах. И даже не поймешь, что он испытывает сейчас – вожеление или брезгливость... и меня вдруг задело.

– Зачем это вам, господин?

– Ты не хочешь отвечать? – он слегка удивился.

Разве может не хотеть шлюха?

Сколько мне говорили: держи язык за зубами, сколько били за это... и толку мало.

– Я мирокская княжна, меня похитили пираты и продали сюда в рабство. А вы, господин? Почему вы здесь?

Он фыркнул, его это позабавило.

– Я пришел развлечься, – сказал он. – И как зовут твоего князя-отца?

– А на каком судне вы служите матросом, господин?

Я дура, я знаю. А когда начинаю волноваться – дура еще больше, меня со страха просто несет... Но переодетого мальчишку я никак не могла воспринимать всерьез.

Он шагнул ко мне ближе, почти касаясь.

– От тебя пахнет так, словно пираты держали тебя в трюме с рыбой, – сказал он.

– Так и было!

– Не сомневаюсь, – сказал он, убрал прядку волос с моего лба. – Но ты все равно красивая.

– Я... – а вот тут я растерялась, даже покраснела.

– «Отважный», – сказал он. – Судно, на котором я служу. «Отважный».

– Это китобоец, – сказала я. – Только один «Отважный» у нас в порту. Команда пятнадцать человек, за последние полгода только мелочь, никакой приличной добычи, они сидят на мели. И у них нет денег на то, чтобы пахнуть розами.

Парень улыбнулся весело, ему нравилась эта игра. Положил ладони на мою талию, чуть привлек к себе.

– В Миробе пять независимых княжеств. И нет ни одной княжны твоего возраста. Я уж не говорю о том, что таких курносых и конопатых мироек не бывает.

– Я пошла в мать, – сказала я. – И вообще я незаконнорожденная. Но отец всегда любил и признал меня.

– Хм, – он смотрел мне в глаза и... брезгливость точно исчезала без следа, остался лишь живой интерес. – Я нанялся на «Отважный» сегодня утром. Решил сбежать из дома и отправиться навстречу приключениям. Розы еще не выветрились.

– Недалеко ты сбежал, если у тебя завтра свадьба.

– Мы уже на «ты»?

– Княжна и китобоец?

Он засмеялся.

– Вы правы, ваша светлость! Разрешите поцеловать вас?

– А если нет?

– Я ведь уже заплатил.

Он улыбался, весело и беспечно. Но в голосе скользнуло что-то такое... Этот парень не привык, что ему отказывают. Никогда. Он поддержит игру, но не примет отказ. И не забудет напомнить о том, чтобы я не заигрывалась слишком сильно.

Одна его ладонь на моей пояснице, прижимает. Другая – поглаживает спину. Я чувствую, как сквозь тонкую ткань его пальцы прощупывают все мои позвонки, один за другим... я тощая, неуклюжая... лопатки выпирают.

– Пираты плохо кормили тебя? – он наклонился ближе, почти к моему виску. Чуть коснулся кожи губами.

Теплые пальцы и теплые губы.

Я так и не нашла, что сказать. Сердце вдруг ухнуло и отчаянно забилося.

– Я сниму с тебя платье, – сказал он, и это не вопрос, а просто объявление намерений. – Никогда не видел мирокской княжны без одежды.

– А в одежде? – тихо спросила я, голос вдруг сел. Вот сейчас все и будет.

– В одежде – видел, – спокойно сказал он. – Некоторые весьма недурны.

Я даже не усомнилась, он видел, и это действительно так. Все еще обнимая меня, принялся расстегивать пуговички

сзади на моем платье.

– Тогда я тоже с тебя что-нибудь сниму.

Потянула ремень на его брюках. Он не сопротивлялся. Хорошо. У меня, конечно, нет опыта, но я не боюсь. Не его, уж точно. Не сейчас.

Ремень и серую шерстяную фланку – через голову. Но он высокий, я потянула, но не смогла, он снял сам. Я взялась было расстегивать рубашку...

– Подожди, сначала твое, – шепнул он.

Расстегнул, не торопясь стянул платье с моих плеч. Оно упало к ногам. Белья на мне не было.

– Хм... – сказал он, столь многозначительно, что у меня снова залило жаром щеки, и даже как-то заныло в животе....

Я едва было не дернулась прикрыться, хотя бы руками. Но удержалась. Рядом с тем, кто сильнее тебя, не стоит проявлять слабость, иначе конец. Это я усвоила давно. Пока можно – стоит держаться наравне, даже если это равновесие только игра.

– Теперь твоя очередь, – сказала я.

– Хорошо, – согласился он. – Снимай.

Его ладони легли на мои плечи. У него такие нежные, гладкие пальцы... сильные, твердые, но нежные все равно. Он словно рассматривал пальцами, изучая... плечи, руки, потом грудь...

Меня отчетливо била дрожь, и чтобы справиться, я расстегивала на нем рубашку... занять руки. Внезапно пойма-

ла себя на том, что мне хочется дотронуться до него, его кожи... Он часто дышал...

Богатый мальчишка и портовая шлюха... Он мог бы сделать со мной что угодно, но он поддержал игру. Не торопил, не давил на меня. И даже на мгновение показалось – мы здесь просто потому, что оба этого хотим...

Нельзя так думать. Он заплатил.

Справиться с застежкой на штанах я не смогла, пальцы не слушались. Он сам.

А потом мы стояли голые посреди комнаты... И я видела его легкое замешательство тоже. Время разговоров прошло.

– Все... – шепнула я.

Даже не знаю...

Он ухмыльнулся чуть неуверенно, действительно неуверенно в этот раз. Потом вдруг подхватил меня на руки и потащил на кровать.

2. И то, что потом

Сложнее всего было потом.

Он был нежен. Так осторожен и нежен со мной, как вряд ли был бы кто-то из тех парней, с которыми я выросла на одной улице. Был милым. Он получал удовольствие, и совершенно честно пытался доставить удовольствие мне. Вряд ли он осознавал, почему делает именно так, скорее просто потому, что привык не только пользоваться, но и отдавать. Удивительно, если разобраться, особенно если знать – кто он. Но тогда он был совсем мальчишкой... Очень благополучным мальчишкой, выросшем в заботе и любви.

Вряд ли там, в постели, он видел шлюху во мне. Просто девушку, которая рядом.

Обнимал меня.

И потом так легко перекатился на спину, увлекая за собой, расслабившись. Я оказалась у него на груди, а он, притянув поближе, задумчиво поглаживал мое бедро... даже приятно. Касаясь губами моего виска. И не хотелось ни о чем думать больше. Хотелось, чтобы это не заканчивалось.

Я лежала, замерев, слушая, как бьется его сердце.

Так удивительно.

Ему было хорошо, и хорошо именно со мной, он не отпускал...

До сих пор не знаю – счастье мое, что все было именно так,

или наоборот. Потому что потом, каждый раз, я вспоминала его. Когда клиенты били меня, унижали, вытирали об меня ноги. Когда меня тошнило от их пьяных рож и потных рук. Когда мной грубо пользовались, а, получив свое, мгновенно отбрасывали, словно тряпку.

Но я уже знала, что бывает иначе.

Иногда казалось, если бы не знала – было бы проще. Принять, смириться, решить, что так и должно быть всегда. Что только так.

Безумно завидовала потом его будущей жене... когда не знала кто он, и кто она. Его свадьба... смешно! О его свадьбе говорил весь город, писали все газеты, столько шума вокруг. Но мне даже в голову не могло прийти, что это он, тот самый переодетый мальчишка, китобоец. Рикхард Альберик Вальдбери, наследник престола. Что белобрысый парень – Лангер Лютхард, будущий герцог Давера, будущий хитрый политик и меценат. Что невеста – принцесса... и что принцесса ненамного счастливее меня.

Я не знала, что нечему там завидовать.

Я просто лежала, прижавшись щекой к его груди, боясь даже пошевелиться, даже вздохнуть. Спугнуть мгновение тишины.

Потом я думала много раз, что если бы он и правда был моряком, все могло бы быть иначе. Он мог бы прийти снова. Мог бы влюбиться. Ведь что-то было... мелькнула искра. Я

могла бы с ним сбежать. Мы могли бы пожениться и быть счастливы.

Такие глупые девичьи мечты.

Мне просто нужно было за что-то уцепиться, о чем-то мечтать. Мой прекрасный принц... я ведь не знала, что он принц на самом деле.

Я всегда так хотела узнать – затронуло ли тогда хоть что-то его сердце? Или это только я все напридумывала себе? А он был просто мил и вежлив...

Я мечтала, что он вернется. Долгие годы мечтала о нем. Нет, он ничего мне не обещал.

Он мягко, но так явно дал понять, что игра закончена, и продолжения не будет.

Ему не нужно никакое продолжение. Он получил свое. То, за что заплатил.

Я только почувствовала, как он вздохнул. Потом потянулся, коснулся губами моего лба.

– Мне пора идти, княжна.

Я быстро села, чтобы не мешать ему.

Он тоже. Слез с кровати, чуть взъерошил волосы. Кривовато ухмыльнулся. Подобрал свои штаны с пола. Я все сидела вот так, смотрела, как он одевается... Ныло в груди.

В тот момент мне даже не верилось, что он просто уйдет. По крайней мере, пообещает заглянуть снова.

Мне показалось...

– Я не княжна, – мой голос дрогнул, словно это последняя надежда... не знаю на что.

– Я тоже не китобоец, – сказал он. Немного устало.

– Я родилась здесь же, в Эрлсгарде, мой отец рыбак... он много пьет и у него много долгов, он продал меня сюда, потому, что ему нужны были деньги, я...

Он поднял на меня глаза. Молча кивнул. Игры закончились и откровения тоже. Все закончилось. Он уходит.

Уже не важно.

Пустые обещания никому из нас не нужны.

Я смотрела, как он одевался. Очень спокойно, обстоятельно. Все пуговицы, все манжеты, одернул брюки, фланку, привел все в такой идеальный порядок, что хоть на бал... даже волосы лежали идеально.

Глянул на меня. Достал деньги из кармана, целую пачку, положил на стол.

– Это тебе, – сказал он.

– Твой друг уже заплатил Бо.

Он покачал головой.

– Это тебе. Оставь, спрячь, вдруг пригодится... или отдай. Не знаю, решай сама.

– Не стоит... – шепнула я. Мамаша Бо узнает и отберет все равно, мне еще и влетит, если не отдам сразу.

Он качнул головой. Оставил.

– Благодарю за приятный вечер, княжна.

Поклонился так привычно-изящно, словно даме... Без всякой издевки, честно. Просто дежурный жест на прощание.

Я до боли закусила губу.

Бывали минуты, когда мне казалось, тот первый раз просто приснился. Не бывает так в реальности. Я придумала это. На самом деле было что-то другое, плохое... что меня изби-ли, что... не знаю. Такое бывает, если слишком страшно и хочется забыть, и ты придумываешь себе... мечты...

Словно лишь несколько мгновений чего-то светлого в моей жизни. И все закончилось. Дело даже не в том, что он был благороден и хорош собой, позже и красавцев хватало. Но только он видел просто женщину во мне, не товар, не источник удовольствия... пусть и игра, но для нас обоих, по крайней мере, он дал мне возможность почувствовать это, даже если сам видел иначе. С ним было легко. Тепло и уютно в его объятьях. И пусть лишь на несколько минут, но я почувствовала себя прекрасной и желанной...

Как глупо.

Он ушел.

И больше...

Шестнадцать лет – целая вечность.

Эти годы сильно изменили меня и его. Когда я встрети-ла его снова – это был уже совсем другой человек, куда более циничный, жесткий, властный, и куда менее настроен-

ный играть в игры. Я даже не сразу узнала его. Но все же, что-то от того мальчика осталось в нем, где-то внутри...

Осталось ли во мне что-то от той девочки? Вряд ли. Как могло остаться?

3. Второй

Он пришел один.

Звякнул колокольчик на двери.

Я не узнала, конечно, я и думать забыла.

– Протисте, господин! У нас нет свободных девочек, – крикнула я, слушая, как Нанда снова жалуется на протекающую крышу в мансарде.

– Я могу зайти? – спросил он. У него даже голос был другой, более низкий, резкий, не терпящий возражений.

Сразу видно – влиятельный господин. Мамаша Бо сразу бы кинулась ему свободных девочек искать, вытащила бы из-под кого-нибудь, лишь бы заработать. Такой – явно готов платить.

– Зачем?

Я никого ему не найду. Два дня назад императорские войска вернулись из Галендара, город полон скучающих и жаждущих развлечений солдат, спешащих промотать выданные казной премии. Девочки работают из последних сил... А объяснять в сотый раз за день, что не могу взять ему новых из ниоткуда – я слишком устала.

– Поговорить с вами, – сказал он.

Впрочем, может быть, этот человек из каких-то городских служб, и нас ждут неприятности. Тогда действительно не стоит выставлять за дверь, лучше выслушать. Судя по тону

– он не уйдет в любом случае.

– Заходите, – сказала я.

Он зашел... Мужчина, лет так тридцати пяти, просто одетый, но эта простота не могла обмануть. Коротко стриженные темные волосы, чуть заметная щетина на подбородке. И даже не военная выправка, что-то большее.

Осмотрелся, глянул на меня.

– Это вы – мадам? – спросил он.

– Да.

Года три назад это перешло в мои руки.

Он чуть склонил голову набок, разглядывая... Холодный, внимательный блеск его глаз... Ему было проще меня узнать, он понимал, куда идет.

И что-то кольнуло... что-то знакомое...

– Значит, никого?

– Нет, господин.

Есть вот Нанда, но она даже старше меня, на нее никто не польстится, разве что совсем от безысходности. Она занимается здесь совсем другим.

– А вы? – спросил он.

– Я не принимаю посетителей.

– Это дело принципа или денег? Сколько вы хотите?

Бескомпромиссно. Он не сомневался, что получит. Даже тени сомнений не было. Богатый сноб. Деньги решают все.

– Это вопрос принципа, – сказала я.

Миклош, владелец борделя, убьет меня, если я буду спать

с кем-то кроме него. За любые деньги. Я мадам, но я не хозяйка, администратор. А Миклош... Даже не я ему нужна, он просто не хочет делиться. Деньги с меня он и так стрясет, я не вижу их.

– Принципа? Значит, выйдет дорого, – ухмыльнулся он. – Пятьсот.

Я дернулась. Впервые, наверно, глянула на него внимательно. Эти деньги несравнимы с тем, сколько девочкам платят за ночь. Крышу можно залатать...

– Вы это серьезно, господин?

– Да, – сказал он. – Так как?

– Нет, – сказала я.

Миклош убьет. Снова вернется пьяный под утро, узнает и убьет меня. Никакие деньги того не стоят, он все отберет. Последнее время совсем начал сходиться с ума.

– Тысяча, – сказал мой гость, глядя в глаза.

– Да охренеть! – выдала Нанда, раскрыв рот. – Мэр, он ненормальный.

– Нет, – сказала я. – Вам лучше уйти.

Он улыбнулся.

– Две тысячи, – достал пачку денег из кармана, положил на стол. – У меня наличными только две, но если хотите больше, я могу выписать чек. Сколько?

Это безумные деньги. Столько нам всем борделем и за месяц не заработать... и за два.

Он разглядывал меня. Уверенно и спокойно, по-хозяйски,

словно я уже согласна.

– Зачем вам это? – спросила я.

– Я хочу вас, – просто сказал он. – Сейчас. И готов платить за это. Любые принципы покупаются.

– Почему я?

– Все остальные заняты, – он ухмыльнулся. – На этой неделе свободной шлюхи в городе не найти, нужно занимать очередь. Так что мне нужны вы, княжна.

Что-то неуловимо потеплело в его глазах.

У меня коленки дрогнули.

Это ведь он...

– Десять, – сказала я. Он откажется. Это слишком.

И будь что будет.

– Мэр! – у Нанды сделались круглые глаза.

– Хорошо, – Рико невозмутимо достал ручку, дорогую, самопишущую, с золотым пером. Выписал чек. Десять тысяч. – Поверьте, – сказал он, – постоянная любовница обходится мне дороже, и при этом невыносимо выносит мозг.

* * *

– Комнаты у нас тоже все заняты, – сказала я. – Вы не против, если мы пойдем в мою спальню?

– Это будет даже интересно, – он усмехнулся.

На самом деле, моя спальня мало чем отличалась от остальных. Большая кровать, с расчетом вот на такие случаи,

да и Миклош приходит ко мне сюда. Чуть более чисто. Много личных вещей, конечно. Бумаги, бухгалтерские книги на столе. На комодѣ недоштопанный чулок... Окно выходит в маленький дворик, где сушится белье.

Моему гостю было интересно. Он обошел все, посмотрел, особенно внимательно – книги на полке.

– «Соломенный дом» Альваро! Вы читали это?

– Да, – сказала я.

Он удивляется, что вообще умею читать? Не умела раньше, потом пришлось, хотя было трудно. Дочери рыбака незачем, но мне приходится, как минимум, разбираться сче́та.

А об этой книжке еще недавно писали все газеты, и я тоже не удержалась.

Он усмехнулся.

– А я не смог, – пожал плечами. – Такая тягомотина... Хотя все восхищаются. Я только просмотрел, запомнил имена, чтобы хоть поддержать разговор при случае, и не ударить лицом в грязь.

А мне понравилось. Такое пронзительное ощущение одиночества и... надежды, наверно...

Но я промолчала.

Он ведь не о книгах пришел говорить.

– Как мне стоит называть вас, господин?

Он обернулся, долго смотрел на меня, раздумывая.

– Рико, – сказал, наконец. – Можно Рико. А вы Мэр, я помню.

– Ко мне на «вы» не обязательно. Я шлюха, и вы купили меня.

Он улыбнулся.

– Вы серьезная взрослая женщина. И я у вас в гостях. Мужчинам часто приходится платить за то, чтобы провести с женщиной время. Иногда явно, вот как сейчас. Иногда – покупая драгоценности и меха, иногда – как-то иначе... оплачивая ей поездку на курорт, или награждая новыми титулами ее мужа за лояльность. Но это не важно.

Это было так странно. Словно он пришел совсем не за тем...

Бутылка вина на столе. Рико взял, покрутил в руках. Неплохое вино, между прочим, дешевое, но совсем неплохое.

– Хотите выпить? – предложила я. – У меня есть бокалы.

– С удовольствием, – он вежливо улыбнулся. – Штопор у вас есть?

– Конечно.

Я принесла.

Он откупорил, разлил нам обоим.

– Я сяду, вы не против?

– Конечно, – мне было почти смешно. – Вы в борделе, господин, зачем вы спрашиваете?

– Я у вас в гостях, княжна.

– Княжна? А вы все еще матрос на «Отважном»? Или уже капитан?

– Боцман, – он улыбнулся. – Простите. Наверно, это уже не уместно. За вас.

Мы пили вино...

Никогда еще не чувствовала себя так странно, словно все не на самом деле, словно это игра. Такая игра, в которой я не понимаю правил. Но в этот раз я должна его игру под-держать. Что ж, случается, что мужчина приходит сюда не столько за плотскими удовольствиями, сколько за тем, что-бы его выслушали. Просто больше некому излить душу.

Только бы Миклош не вернулся до утра. Не представляю, как буду выкручиваться. Но, может быть, чек на десять ты-сяч остудит его пыл.

Рико разглядывал меня.

– Вы изменились, – сказал он. – Я даже не сразу узнал вас.

– Постарела.

– Да бросьте, не стоит кокетничать. Сколько вам? Я ведь старше.

– Тридцать два.

– А мне – тридцать четыре. Вот видите. И я, кажется, еще не стар... – он вздохнул, нахмурился, немного отпил из бока-ла, покрутил его в руке. – Вы были такой смешной девочкой тогда. Немного угловатой, нескладной. Но в вас было что-то такое... Искра. Не знаю...

Он меня помнил. Это невероятно само по себе.

Странно.

Значит, я понравилась ему тогда. А теперь? Он разочаро-

ван?

И, отчего-то, меня задевало. Пугало даже. Я не понимала, как мне себя с ним вести. Я ведь уже не девочка...

Только бы снова не начать себе воображать всякое.

– Почему я? Почему вы пришли сюда снова?

Он пожал плечами, как-то небрежно, но удивительно искренне.

– Не знаю. Так вышло. Просто как-то устал... от всего. Это сложно объяснить. Захотелось отвлечься. И как-то случайно вспомнил вас. Подумал – а вдруг? Шел сюда, особо ни на что не рассчитывая.

Он выпил еще вина... до дна. Налил снова.

– И выложили столько денег?

– Раз уж я здесь, и вы здесь, то глупо уходить ни с чем. У меня тоже свои принципы.

– Добиваться своего?

– Да, – он улыбнулся.

Очень хотелось спросить: «И что потом»? Только ведь ничего. Мы сейчас выпьем, потом переспим, и ничего больше не будет. Он уйдет. Это просто случайная прихоть. И все.

Он сидел напротив. Устало хмурясь.

И что-то не клеилось...

Еще вина? Рико расстегнул пуговичку на жилете, вытянул ноги.

– Жмет немного, – сказал он. – Я взял это у человека, который привозит продукты к нам на кухню. Он высокий и до-

вольно худощавый. А я, что-то в последнее время растолстел...

Как-то задумчиво, скорее просто повод хоть что-то сказать. Ему нужно было время. Нужно что-то для себя понять.

И я тогда не понимала еще...

– А кто вы? – спросила я. – На самом деле? Или о таких вещах нельзя говорить?

Он глянул мне в глаза. Удивленно.

– Вы еще не поняли?

– Нет, – сказала я.

– Я думал, вы поймете еще тогда, – какая-то усталость в его голосе. – Или потом, увидев в газетах. У вас есть газеты?

Он огляделся. Нет, здесь не было ни одной.

Я ждала.

– Рикхард, – сказал он.

– Рикхард? А дальше? – нет, я все еще не в силах...

Император – это слишком для меня. Не укладывалось в голове.

– В моем случае достаточно имени, – сказал он. – Только не дергайтесь, пожалуйста. Сидите спокойно. Это ничего не меняет.

И вот только тогда меня накрыло. Я дура наверно... действительно дура. Я видела его фото не раз. Но это невозможно.

Я сидела и во все глаза смотрела на него, борясь с желанием вскочить... или наоборот – упасть на колени.

– Не бледнейте так, – сказал он. – Все ведь было хорошо. Поставил бокал на стол, поднялся на ноги. Протянул мне руку.

Я поднялась.

Он обхватил ладонями мою талию, привлекая к себе.

– От вас больше не пахнет рыбой, – с легкой усмешкой сказал он, и я покраснела. – Немного мылом, и каким-то травами... ромашкой? Мне нравится. Повернитесь, я расстегну ваше платье.

Свой сюртук он повесил на спинку стула.

Я чувствовала запах его одеколона – легкий, ненавязчивый, немного пряный, запах дерева и свежевспаханной земли. Так удивительно. Все тот же. Такой притягательный, что кружилась голова.

Я не могла прийти в себя. Меня трясло, когда я начинала думать, что за человек со мной рядом. Он ведь не шутит, это действительно так. Пусть и безумно.

Колотилось сердце.

Он снял с меня платье – спокойно и так привычно, словно делал это каждый вечер. Теперь на мне было белье. Красивое, но не самое новое. И чулки... чулки заштопанные на бедре – под платьем не видно, а Миклош обычно уже пьяный, ему все равно, я устала... И сейчас немного неловко. К черту...

Рикхард обнял меня. Вот так, как стоял, сзади, обхватив, прижавшись подбородком к моему виску... слегка колючим

подбородком. Теплым... Я стояла, замерев, чувствуя всем телом его глубокое, чуть рваное дыхание.

– Ты вся дрожишь, – шепнул он.

– Мне страшно.

– Почему? Я не сделаю тебе больно.

У меня дрогнули губы. Я вовсе не этого боюсь.

Качнула головой.

– Я боюсь сделать что-то не так, – сказала я.

– В тот раз ты не боялась.

– Я была малолетней девственницей. Какой с меня спрос?

– М-мм, – сказал он. – Уровень ответственности изменился? Боишься не оправдать ожиданий?

Усмехнулся. Чуть потерся носом о мои волосы.

– Да, боюсь.

– Не бойся. Я сам не знаю, чего жду от этой встречи. Все вышло случайно.

– И что мне делать? – наверно очень глупый вопрос.

– А что ты умеешь?

Я вздрогнула.

– Мне нечем тебя удивить, – сказала я. – У нас дешевый портовый бордель, а у моряков нехитрые запросы.

– Хорошо, – согласился он. – Не нужно меня удивлять, я, наверно, умею побольше твоих моряков. Но сейчас мне хочется чего-то простого. Обычного. Как это бывает дома, знаешь...

– Не знаю, – честно сказала я.

– Я тоже.

Была в этом какая-то горечь. Давняя боль.

– У тебя ведь жена.

Я только сейчас поймала себя на том, что говорю Рикхарду «ты». Когда он так обнимает меня – просто невозможно иначе, это слишком личное.

– И не напоминай, – он фыркнул.

– Прости.

– Ничего. Просто для нее это долг, ее крест, который она стоически должна нести во имя государства. На благо. Она не плохая женщина. Просто она любила другого, но выдали замуж за меня. И не сложилось.

Убрал прядку волос с моей шеи, коснулся губами.

– Прости... – шепнула я.

– За что?

– Не знаю...

Я терялась в его руках.

Его ладони гладили мой живот. Он прижимался ко мне бедрами, и все, что он хочет от меня сейчас – я чувствовала отлично.

Обычного...

– Все остальное я с тебя сейчас тоже сниму, – сказал он. Немного сухо.

Развернул меня к себе, принялся расстегивать корсет. Хмурясь, как-то удивительно серьезно. Поджав губы.

– Что-то не так? – спросила я.

Он только нахмурился еще больше. Молча. Его пальцы... чуть напряглись.

– Подожди, – сказала я. Поймала, остановила его руки. – Что не так? А то у меня чувство, что теперь ты меня боишься.

– Я? – он усмехнулся, но вышло чуть фальшиво.

– Что не так? – спросила я. – Скажи, я все сделаю.

Он мотнул головой... словно упрямый ребенок.

– Да брось, – сказала я, сама удивляясь своей смелости. – Мне ты можешь сказать что угодно.

Он сглотнул, глядя на меня. Его глаза совсем темные...

– Обними меня, – попросил вдруг.

– Что?

– Обними, – резко, почти зло.

Бог ты мой... он ведь пришел поиграть в любовь. Я ведь не откажу. Игра... Жена не любит его, любовницы... видимо, они слишком хороши, чтобы просто обнять. А ему хочется немного тепла. От шлюхи. За деньги. Наверно, так проще всего... Удивительно, что он готов признать это.

Я обняла.

Я ведь могу подыграть ему, будет совсем, как по-настоящему. Я ведь так долго его ждала, так мечтала. И вот он пришел. Не важно, что мое сердце давно выгорело, но я могу представить, как любила бы его... сыграть.

Крепко, порывисто... я прижалась к нему всем телом, щекой к его плечу, виском к его шее.

Он замер, даже дышать перестал. Потом выдохнул... так судорожно... Выдох-вдох...

Взял меня за плечи, чуть отстранив, и тут же склонился ко мне, коснулся, прижался губами к моим губам. Зажмурился, отчаянно.

Я целовала его, словно любила всю жизнь. Так, как никого и никогда. Так, как и представить не могла. Я умею целовать.

Главное, не заиграться самой. Главное – понимать...

Стянула жилет с него, рубашку... он – все оставшееся с меня. Чулки – так безумно нежно... мои штопанные чулки... все равно. А у него ботинки на высокой шнуровке... я села на пол расшнуровать. Он так смотрел на меня... я глупо улыбалась. Пальцы не слушались.

А вот белье на нем – его собственное. Это так смешно, когда трусы явно дороже, чем брюки. Заметно. И носки. И ногти такие ухоженные, даже на ногах.

Я снимала с него, и думала – только бы Миклош не вернулся раньше времени. Если он не вернулся до сих пор, то, скорее всего, приползет к утру. Но если вдруг... Впрочем, у Рикхарда наверняка есть охрана, просто она не показывается на глаза. Ему ничего не будет. А я... я как-нибудь разберусь.

Десять тысяч...

Потом Рикхард подхватил меня на руки, уложил на кровать. Молча. Мы больше не разговаривали.

У него были сильные руки... плечи – широкие... немного темных курчавых волос на груди. Он меня обнимал. Искрен-

не. И не важно, что это только игра и только на одну ночь.
Пусть так... Но сейчас ему было со мной хорошо.

У него волосы мягкие, чуть стоящие ежиком на затылке.

У него сердце так колотится...

4. Расплата

Из его постели я выскочила сама. Поняла просто, что не могу. Надо сразу вставать, иначе...

Он остался.

Он лежал, наблюдая, как я одеваюсь.

– Мэр, а если я доплачу, можно остаться до утра? И еще разок.

У меня так заныло сердце.

– Нет, – сказала я. – Хватит. Ты... Вы ведь понимаете сами. Не стоит. Вам пора идти. У меня тоже еще дела.

И голос почти не дрогнул.

– Хорошо, – сказал он. Сел. – Боитесь поверить в сказку и привязаться? – глянул на меня с такой циничной иронией. Очень горькой иронией. Он видел меня насквозь.

Я...

Я затягивала корсет, у меня пальцы сбились. Я бы покраснела, если могла.

– А вы? – самый неуместный вопрос.

Он усмехнулся.

Принялся одеваться тоже.

– Не боюсь, – сказал спокойно. – Поймите меня правильно, Мэр... и дело даже не в том, что у императора сердце должно быть из стали. Мне было хорошо с вами, правда. И в тот первый раз, и сейчас. Уж вам врать я не вижу смысла.

Но это не значит, что я помнил вас все эти годы. У меня было достаточно женщин – блистательных, роскошных, готовых на все. Любых. Мне было чем заняться. Просто так вышло. Я только вернулся из Галендара, страшно устал, это так выматывает... все эти переговоры, торги, по сути. Все жилы вытянули. Вернулся домой... казалось бы, – он вздохнул. – Жена воротит от меня нос. Дети... Было проще, когда дети были маленькие, когда Лис...

Его голос дрогнул, он отвернулся. Ему потребовалось почти минута, чтобы справиться. Лис – его дочь. Была. Она погибла два года назад, несчастный случай. Ей было шесть. Старшему Хонраду сейчас пятнадцать, второму – тринадцать, кажется.

– Когда дети были маленькие, они всегда ждали меня, – глухо сказал Рикхард. – Всегда радовались приезду, кидались на шею, Аль даже визжал от радости. И все остальное казалось не важно. Потом... не знаю. Они выросли и... что-то пошло не так. Хонрад всегда был очень привязан к матери и теперь не может меня простить... Аль... Не важно, – он провел ладонью по лицу. – Тогда я пошел к Фейрин. А она закатила мне скандал. Я не привез ей из Галендара подарки, которые обещал. Вернее, привез, но какие-то не те... я, честно говоря, так и не понял разницы. Хотел поцеловать ее, а она фыркнула, что у меня замашки матроса, которому только бы одного и надо, и я не ценю ее нежных чувств. Наверно, так и есть. Не ценю. Я плюнул и ушел. Какого ж чер-

та, твою мать!

Рикхард замолчал ненадолго, зашнуровывая ботинки.

– Потом я как-то случайно вспомнил о тебе. О том, что было, – он поднял глаза на меня. – Подумал, почему бы и нет, – так криво ухмыльнулся. – Маленькая княжна... Не знаю. Устал от всего. Даже не особенно рассчитывал найти именно тебя, было почти все равно. Просто женщину на одну ночь, которая не станет...

Он замолчал снова. Покачал головой.

– Это ничего не значит, Мэр.

Чтобы просто. Без истерик, без обязательств, чтобы кто-то сделал вид... Вот как я.

Да, это ничего не значит. Удачно подвернулась.

Так хотелось сказать ему: «Если снова захочешь, чтобы кто-то обнял – заходи. Я всегда здесь».

Так хотелось сказать: «Никогда больше не приходи сюда». Даже не знаю, чего больше.

Он оделся, аккуратно все пуговички застегнул.

– Благодарю за приятный вечер. Действительно приятный.

Улыбнулся, так просто и искренне.

Я кивнула. Хотела ответить, но слова вставали в горле, не стала, испугалась, что подведет голос.

– Надеюсь, не стоит говорить, что лучше не называть никаких имен, – сказал он.

– Конечно, Рико, – сказала я.

– Там чек, – сказал он, – подписан Рик Мадерих, это нормально, не волнуйся. Тебе выдадут деньги по нему. Не все траты стоит совершать от лица короны.

– Да, я понимаю.

– Хорошо...

Он долго стоял, словно раздумывая, не сказать ли что-то еще.

Потом кивнул каким-то своим мыслям. И как-то резко развернулся. Вышел за дверь. Так аккуратно прикрыл...

Все. Больше никаких прощаний. Никаких обещаний заглянуть снова.

Это была случайность.

И к лучшему.

Я долго стояла... Сначала слушала его шаги на лестнице, потом далеко внизу. Он обменялся парой слов с Нандой. Вышел, тихо звякнул колокольчик.

Вот и все.

Я села на кровать. Закрыла лицо руками.

Как же мне жить с этим дальше? Я не смогу забыть.

Шаги.

– Мэр?

Нанда зашла. Глянула на меня, нахмурилась. Подошла, селя рядом.

– Что такое, Мэр? Он обидел тебя? Что он сделал?

– Ничего, – я всхлипнула. Вдруг поняла, что сдержаться не могу. – Все хорошо.

– Мэ-эр... – Нанда попыталась заглянуть мне в лицо. – Ну-ка? Что с тобой? Посмотри на меня.

Я давно не плакала, даже когда Миклош бил меня. Не помню, когда плакала в последний раз. Думала, меня ничем не задеть, все слезы закончились... А сейчас словно прорвало. Не могла ничего сделать. Слезы текли по щекам.

Нанда волновалась, никак не могла понять.

– Обидел тебя? Ну? Скажи? Он оставил деньги, Мэр. И чек и наличные. Можно даже Миклошу все не отдавать, он не узнает. Да что с тобой, в конце концов? Что случилось?

– Ничего, – я мотала головой. Всплиывала. Словно девочка.

– Да что же... Ты его знаешь, да? Что это за человек? Да прекрати, Мэр!

Я уже собиралась объяснить... нет, не про императора, конечно. Про первый раз, про то, что до сих пор помню, как он был нежен со мной...

И вдруг – колокольчик на двери. Грохот.

– Мэр! – пьяный голос снизу. – Мэр, какого хрена?! Нанда? Почему никто не встречает?!

Миклош.

Нанда вскочила.

– Так, я иду, – быстро сказала она. – А ты быстро вытри слезы!

Я кивнула.

У меня две минуты буквально, чтобы привести себя в порядок, сделать вид, что ничего не было. Иначе, будет совсем плохо.

* * *

– Ну-ка, иди сюда! – Миклош едва стоял на ногах. – Почему не встречаешь? С-сучка! Чем ты там занята? Иди сюда!

– Я отошла на минуту.

– Да?! Сюда иди!

Его пошатывало. Его красное лицо с поросычьими глазками и бордовый сюртук с голубой жилеткой... толстое брюхо... Ему было-то едва за сорок, и когда он появился здесь, многие девочки даже сходили по нему с ума. Тогда он был высоким красивым мужчиной, стройным, сильным, голубые глаза и светлые кудри... было в нем что-то... Деловая хватка была. А теперь растолстел вдвое, вечно пьяный. Как он еще умудряется вести какие-то дела, я не могу понять, разве что все по старой памяти.

Я подошла. Мне деваться все равно некуда. Когда-то я пыталась сбежать от него... дважды пыталась. На второй раз мне сломали руку и переломали ребра, просто чудо, что выжила... Я хочу жить. Бежать мне все равно некуда. Здесь, по крайней мере, у меня всегда есть кусок хлеба... дома, в детстве, не было и этого. И если кто-то скажется мне, что лучше

голодать, то он просто не знает, что это такое.

Миклош словно принялся.

– Чем ты была занята? – спросил он.

Мне казалось, он уже все знает.

– Я была здесь, – твердо сказала я.

– Да? – он подался ближе ко мне, так что я чувствовала его дыхание. – Ты мне врешь!

От него воняло дешевым кислым вином и потом.

Я смотрела ему в глаза. Кто-то сказал уже? Он видел, как Рикхард выходил из наших дверей?

Мне было страшно. Я пыталась понять, как поступить правильнее.

Миклош ждал.

Бледно-голубые, почти бесцветные, глаза его – яростно поблескивали.

Он знает. И если я не скажу – убьет меня, будет бить, пока не признаюсь. Если скажу – тоже. Но, возможно, жадность окажется сильнее.

– Десять тысяч, – сказала я, как можно более спокойно и твердо. – Он оставил десять тысяч чеком и две тысячи наличными. Вот.

Протянула Миклошу пачку денег.

Несколько секунд он смотрел, не понимая. Потом выхватил у меня из рук.

– С-сучка! – зашипел он. И вдруг швырнул эти деньги мне в лицо. – Ты спала с ним?! Тварь! Я же запретил тебе!

И со всей дури залепил пощечину.

Я едва не упала, качнулась... соленый вкус крови на губах. Отступила на шаг.

Ничего, я привыкла. Пощечина – это не страшно.

– Десять тысяч, Миклош, – сказала я, утирая кровь. – Это невероятные деньги! Нам всем столько и за год не заработать! Ты только подумай, что на эти деньги можно купить!

– Ты спала с ним? Дрянь! Я же объяснял тебе, что ты теперь только моя! И я не собираюсь тебя ни с кем делить! Ты не ценишь того, что я сделал для тебя? Из какой грязи вытащил?! Да я отдам тебя на «Голиаф»! Будешь неделю трахаться со всей командой бесплатно!

Он был пьян и не соображал ничего, ярость и ревность застилали глаза.

– Десять тысяч, – последний раз попыталась я. – Посмотри!

Деньги валялись кругом...

И это, все же сработало. Миклош моргнул, огляделся.

– Сколько? – переспросил он.

– Десять тысяч! – повторила я. – Теперь ты богат!

Я шагнула к нему.

Поцеловать его, заставить забыть. Отвлечь.

– Теперь ты богат, – еще раз шепнула ему на ухо, так горячо и страстно, как только могла. Он всегда любил это.

Прижавшись к нему всем телом, полезла ладонями ему под рубашку.

– Теперь ты богат, мой милый...

Нежно. Я знала, как он любит. Сейчас отвлечь его, утащить наверх.

А потом он будет спать. А утром, когда проснется, возможно, будет уже хоть что-то сообщать.

– Сука! – уже без бывшего напора буркнул он. – Я покажу тебе...

Подхватил, прижал меня к стене, задрал юбку.

Ну и пусть здесь.

Я сама расстегнула на нем штаны, обхватила ногами. Я целовала его, не давая больше думать ни о чем другом... все... он со мной... Он прижимал меня к стене всем своим весом, давя так, что я едва могла вздохнуть. До боли. Ничего, сейчас все закончится, надолго его не хватит. Потом я запрусь у себя, а он уснет. А утром мы поговорим...

Я гладила его уши – он всегда балдел от этого. Через его плечо я наблюдала, как Нанда собирает разбросанные деньги. Еще чек... Чек у меня.

Я сладко стонала, так сладко, как только могла, хотя воздуха не хватало и уже темнело в глазах. Ничего... сейчас... сейчас все закончится... Он рычал и пыхтел, дыша мне в лицо этим кислым пойлом... все быстрее... Сейчас.

Когда он кончил и бросил меня, у него едва хватило сил, качнувшись, поползти до кресла рядом, и упасть.

Все.

У меня ноги подгибались.

Я одернула юбку. Стояла еще немного, пытаюсь отдышаться.

– У тебя губа разбита, Мэр, – сказала Нанда. – принести холодного.

Я кивнула.

Сейчас пройдет...

Пошла наверх, к себе.

Сколько раз я хотела сбежать. Еще даже до Миклоша, когда была совсем молода, когда на что-то надеялась. Не выходило.

Куда мне идти?

Однажды, мне удалось сбежать в пригород. Даже устроиться посудомойкой на кухню. Я весь день мыла эти проклятые тарелки, у меня руки болели и трескались... Но работы я не боялась никогда, привыкла с детства. Думала – вдруг удастся начать новую жизнь.

В первый же вечер меня изнасиловал хозяйский сынок. Прямо там же, на кухне, на столе... у меня все руки были в мыле. Он сказал: «да ладно, не дергайся, я же вижу, что ты шлюха». Тогда я была не готова.

Следующим вечером он привел своих дружков.

Я подумала – зачем бежать, если все равно ничего не меняется для меня. Становится только хуже. В борделе, по крайней мере, мне не нужно мыть посуду целый день, там я, по крайней мере знаю, чего от меня ждут и чем я зарабатываю.

ваю деньги. Но я не ушла, решила подождать недельку, может быть, уляжется и им надоест.

За неделю они приходили еще трижды.

А потом меня нашли и заставили вернуться в бордель. Тогда еще всем заправлял Кривой Гуто, он тоже никогда не выпускал своего из рук. А я – его собственность. Для начала он изнасиловал меня сам, потом все его парни.

Куда мне бежать?

Когда пришел Миклош, поначалу я даже радовалась. Он был мягче Гуто, умнее, и у меня даже как-то удалось найти к нему подход... Но это вначале. Ничем не лучше. Просто я стала старше и научилась себя правильно вести.

Я привыкла так жить. Даже в детстве, дома, не было лучше.

Но сейчас... что-то менялось...

5. Третий

Я очень надеялась, он больше не придет.

Хватит. Зачем? Мне было даже приятно увидеть и вспомнить его один раз, но больше не надо. Слишком много проблем.

Утром, как только открылись банки, пока Миклош еще спал, я отправилась обналичивать чек. Надела свое самое приличное платье.

Я решила – десять тысяч отдам Миклошу, скажу: часть было чеком, часть так, Нанда подыграет мне. Полторы оставлю себе. Пятьсот разделят Нанда и Хен, который слышал наш разговор. Это будет честно.

Банк из простых. Я как-то уже была здесь. Толпа работающих, получающих разные выплаты, небольшая очередь принесших деньги за кредит...

И все равно, мне понадобилось пройти до конца улицы, мимо дверей, вернуться, постоять, и только тогда зайти внутрь. Мне казалось – все будут тыкать в меня пальцами. Все будут знать, кто я и чем занимаюсь. Одернула платье, поправила волосы... это не поможет, конечно.

Ладно...

Я видела, как на меня косились, пока ждала своей очереди. Женщина в черном... вдова? В наглухо закрытом платье, с двумя детьми, она все высокомерно кривила губы и

старалась отойти от меня подальше. Девочку она держала на руках, а мальчик, лет пяти, поглядывал на меня с любопытством. Женщина что-то шепотом говорила ему, я почти не слышала слов, поняла только общий смысл – не подходи.

Женщина пыталась получить какие-то деньги после смерти мужа, ей отказывали. Она плакала, умоляла пожалеть детей, ведь совсем нечем кормить. Я так и не поняла в чем дело, но не хватало каких-то бумаг, что-то неверно оформлено. Нужно ждать ответа из страховой... Погиб на стройке... Мальчик крутился рядом, девочка у матери на руках тихо посасывала большой палец.

Ничего... «Мы ничем не можем помочь, мэм».

Вслед за ними – я.

– Мне нужно обналичить чек, – протянула девушке за стойкой.

Она брезгливо взяла. Глянула на сумму. И на меня снова.

– Откуда это у вас?

Слишком много?

– Со мной расплатились чеком за услугу, – сказала я.

– Какую?

– Личного характера.

Это не нее дело. Я смотрела ей прямо в глаза.

И она смутилась первой. Поджала губы. Суетливо оглянулась.

– Простите, мэм, но это слишком большая сумма, чтобы выдать сразу. Приходите завтра, мы подготовим все.

До завтра я ждать не могу. Тем более, что я уверена – она морочит мне голову.

– Нет, – сказала я. – Уверена, что денег в кассе достаточно. Позовите управляющего. Или я сама позову.

Я умела говорить твердо, когда было нужно.

Девушка снова оглянулась, недовольно проворчала что-то. Но сдалась.

– Подождите, – бросила она.

Я подожду.

Я видела, как там, где-то в глубине помещения, она показывает чек пожилому мужчине в очках. Тот смотрит. Потом издалека смотрит на меня. Говорит что-то, показывая в чеке. И девушка возвращается. Злой румянец у нее на щеках...

– Сейчас вам все выдадут, мэм. Пожалуйста, ваши документы...

Возможно, имя на чеке сыграло свою роль.

Уже на улице, сложив все деньги в холщовую сумку, с которой я хожу за покупками, поймав на себе очередной брезгливый взгляд... я увидела ту женщину в черном. Она плакала, стоя у стены. Им действительно нечего есть? Девочка стояла рядом, держась за юбку, ковыряя в носу, мальчик ползал в стороне, во что-то играя...

Я тихо свистнула. Мальчик поднял голову, посмотрел на меня. Я махнула – подойди. Он подошел.

Я достала и протянула ему сотню.

Он сначала вытянулся весь, потом замотал головой.

– Почему? – спросила я.

– Мама не разрешает ничего брать у чужих.

Это правильно.

Я присела, подобрала маленький камешек. Положила на дорогу купюру. Потом, подумав, достала и положила еще одну. И камешек сверху, чтобы не унесло.

– Я сейчас пойду, – сказала мальчику. – А ты скажешь, что нашел на дороге. Купишь себе и сестренке леденец. Понял?

Он кивнул. Леденец воодушевил особенно.

А я повернулась и пошла.

Не знаю, зачем сделала это. Большие деньги, очень большие... Просто, вдруг захотелось. Иногда стоит вернуть случайное добро судьбе – на удачу.

* * *

Он пришел через неделю, я и не ждала.

Я с самого начала говорила себе – он не придет, это было случайно, но вот...

У меня синяк уже начал сходить... Миклош разбил мне лицо. Именно сознательно – разбил. В первый день еще ничего, он взял деньги, даже щедро дал мне сотню с этих десяти тысяч, «на чулки». А на второй день напился и взбрыкнул снова. Просто совершенно спокойно пришел, ударил так, что заплыл глаз, пол лица опухло. Сказал: «Вот, теперь точно

на такую красоту никто не польститися. Ты моя, поняла это?! Если, сука, узнаю снова – не пожалею!»

Даже жадность не могла перебить его желание не отдавать свое. У Миклоша тоже свои принципы... раньше я была даже рада, что так, что меня точно никому не подсунут.

Впрочем, потом какое-то время было тихо, все как обычно.

А потом он пришел. Рикхард.

Звякнул колокольчик.

Я обернулась. Он стоял на пороге, смотрел на меня, я на него... что-то так нехорошо менялось в его лице. Темнело в глазах.

– У нас нет свободных девочек, господин, – сказала я. – Вам лучше уйти.

– А вы свободны? – спросил он, как-то резко, зло.

– Я тоже занята, господин. Сожалею...

Можно ли отказать императору? Тем более, зная, кто он такой.

Он подошел. Молча, глядя на меня.

Я смотрела на него, он – на мое лицо, опухшее, с огромным, желтеющим уже синяком, заплывшим глазом... сказочная красота. Мне было неловко и даже немного больно, что он видит меня такой. Но я не отворачивалась.

В его глазах злость и сожаление разом.

– Кто это сделал? – спросил он. Тихо, но так страшно.

Ну, я скажу, и что? Он пойдет бить Миклошу морду? Прикажет повесить его? Сошлет на каторгу? К чему все это? Будет только хуже.

– Это тебя не касается, – тихо сказала я. – Уходи.

Это моя жизнь, и она всегда была такой.

В его глазах полыхнула ярость. Бешеная. Притом, что само лицо осталось таким же бесстрастным и холодным. Думаю, мало кто решался говорить с императором в таком тоне... никто не решался. Но мне можно, я шлюха.

– Касается, – тихо сказал он.

– Уходи.

– А! У нас гости?! – голос Миклоша из дверей. Сегодня он дома.

То, что было дальше, я даже представить себе не могла. Так не бывает. Не должно быть.

Хотя в тот момент Рикхард бы просто не успел сделать ничего другого. Спасаться бегством, наверно, еще менее достойно для императора. Миклош пер на него, словно разбуженный медведь. Не остановить.

– Так вот с кем ты кувыркаешься, моя прелесть! – ухмылялся Миклош. – Сейчас я...

Не успел.

Рикхард вмазал Миклошу в челюсть. Так мощно, от души, что Миклош отлетел назад и завалился на пол. Сознание не потерял, но встать сразу у него не вышло. Он сидел, ошупы-

вая зубы, тряся головой.

– Охрану с улицы позови, – Рикхард кивнул Нанде так спокойно, словно все это в порядке вещей.

– Что?

Та растерялась.

– Выгляни за дверь, позови на помощь.

Нанда подхватилась, побежала.

– Ублюдок, твою мать... – Миклош сплюнул кровь. – Зуб сломал!

Он пытался встать на ноги.

Я, на всякий случай, схватила за табуретку, ей тоже можно неплохо шарахнуть, если помощь не успеет.

Но стоило Нанде выглянуть, как у нас на пороге возникло три здоровенных бугая в штатском. Рикхард кивнул им, и они мгновенно, без разговоров, уложили Миклоша лицом в пол, скрутив руки. Он только охнул.

– Вот же сука! – прошипел еще. – Я доберусь до тебя!

– Ты пойдешь со мной, – сказал мне Рикхард. – Собирай вещи.

Я не могла поверить.

– Куда?

– Там разберемся. Поторопись.

С черного хода к нам попытались сунуться люди Миклоша, услышав шум, у него тоже свои вышибалы, но императорская охрана хладнокровно достала оружие, и те решили не вмешиваться. Своя шкура дороже, бордель не то место,

где хочется умирать.

Я всегда была дурой, всегда мой язык...

– Я не пойду, – сказала я. – Зачем? Поменять одного хозяина на другого?

На самом деле, я испугалась. Понимала, что если уйду сейчас, моя жизнь никогда не будет прежней. Все изменится. И я уже не девочка, чтобы убегать неизвестно куда, начиная заново. Я привыкла здесь, я знаю, как себя вести. А там? Что будет? Рикхард поиграет со мной и бросит, и что потом?

Рикхард повернулся ко мне. В его глазах непонимание и раздражение разом.

– Если я сейчас уйду и оставлю все как есть, он тебя убьет, – сказал холодно, кивая на Миклоша. – Или ты хочешь, чтобы я прострелил ему голову? Заведение достанется тебе?

Он кивнул одному из своих, и тот наставил на Миклоша револьвер.

– Так? – спросил Рикхард.

– Нет! – шепнула я.

Не то, чтобы Миклоша мне было жаль, я, наверно, желала его смерти. Но вот так, сейчас, была не готова.

– Тогда собирайся. Живо. Бери только самое необходимое.

Думаю, лишние трупы ему сейчас тоже не нужны.

Я бросилась к себе. Да мне и собирать-то толком нечего. Документы, деньги... кто знает, что там меня ждет. Кое-что

из одежды, хотя мои старые платья теперь... я не знала. Не понимала что брать. Понимала, что времени у меня нет. Револьвер под матрасом, даже Миклош не знал о нем... Я завернула в сорочку, сунула на дно сумки.

– Мэр! – Нанда в дверях. – Он велел тебе поторопиться.

Я кивнула. Сейчас. Окинула комнату последним взглядом.

– Что это за человек, Мэр?

Я не могу сказать.

Нанда смотрела на меня огромными круглыми глазами. Что с ней будет? Если Рикхард не убьет Миклошля и тот решит, что Нанда со мной за одно, то Миклош убьет ее. Ему захочется на ком-нибудь отыграться.

– У тебя есть деньги? – спросила я. – Тебе тоже лучше уйти. На вокзал, купишь билет. Тебя искать не будут.

– Есть, – она кивнула. – Сейчас...

Пронзительный женский визг снизу. Ди скорее всего... она закончила и вышла, а там такое. Визг обрывается.

Все. Я собрала.

Ди и ее клиент внизу. Ди сидит на полу, обхватив голову руками. Он жмет к двери – неплохо развлекся сегодня.

Рикхард стоит посреди этого невозмутимо...

– Я готова. Сейчас Нанда еще, она выйдет с нами, ей нужно на вокзал.

Я стараюсь говорить твердо.

– Хорошо, – Рикхарду не нравится, но он кивает. Он сам

влез в это, и теперь поздно отступать.

Нанда уже бежит...

На улице моросит мелкий дождь.

– Проводишь до вокзала, – Рикхард кивает одному из своих людей, отправляя с ним Нанду.

А мы идем...

Это так странно. Мы в целом – такая странная компания для этого места. Пусть и одеты все как обычные люди, но военная выправка охраны слишком бросается в глаза. Гвардейцы и шлюха.

– Куда теперь? – спрашиваю я.

Рикхард идет быстро, я едва поспеваю за ним.

– Кэб ждет нас за углом.

– А потом?

Рикхард хмурится, потом бросает на меня быстрый взгляд.

– Отвезу тебя Лану, он пристроит куда-нибудь.

Понятно.

У меня нет выбора.

– Зачем вы сделали это? – тихо говорю я.

Какое-то время он идет молча, потом поднимает руку, разглядывает сбитые костяшки на правой руке – хорошо так заметно. Ухмыляется.

– Знаешь, – говорит так же тихо, но в голосе усмешка, – я много лет занимался боксом, всегда был уверен, что это

чистый спорт для меня, для поддержания формы, и только.
А вот, пригодилось. Никогда бы не подумал.

Это не ответ на мой вопрос, но я понимаю.

Ответа для меня у него не будет.

Может быть, Рикхард тоже платит какие-то долги судьбе,
как и я, пытаюсь откупиться...

6. Герцог Давера

К особняку мы подъехали с черного хода.

Я никогда не была в таких местах. Высокие потолки, свет, огромные зеркала, мрамор, узорчатый паркет, ковры... Мне было страшно наступать на эти ковры – настолько роскошны. В таком месте мое разбитое изуродованное лицо и вульгарное платье – ощущались особенно остро, до желания провалиться сквозь землю.

– Присядь.

В небольшой гостиной мне указали на диван.

Я села.

Рикхард остался стоять у окна. Я видела его напряженную спину.

Золотые часы с ангелочками на каминной полке показали, что ждали мы всего минут пять, но мне показалось – вечность. Что мы здесь делаем? Зачем я...

Хозяин вышел к нам сам.

Я даже узнала его! Тот самый, второй, белобрысый, что платил мне впервые. Он только еще раздался в плечах, волосы чуть поредели, черты лица заострились, делая его похожим на огромного белого орла.

– Рикхард? – он кивнул, изображая поклон. – Что у тебя?

– Вот, – Рикхард кивнул на меня. – Я оставлю ее здесь сегодня. Пусть ей найдут что-нибудь переодеться, накормят.

Завтра найди ей квартиру, что-нибудь приличное. Пусть пришлют врача, портного, парикмахера... что там еще надо...

Он сморщился, явно не желая вникать в эти дела.

– Парикмахера? Ей? – удивился белобрысый. Он смотрел на меня, словно на вылезшую из помойки крысу.

– Да, – сказал Рикхард.

– И кто она? Эта... хм, леди...

– Леди Мэрион, – сказал Рикхард. – Можешь считать, моя любовница.

– Твоя кто? Из какой подворотни ты вытащил это чудовище?

– Это не твое дело, Лан.

Голос Рикхарда резанул таким холодом, что это Лан... лорд Лангер, герцог Давера, подал губы, прищурился, глядя на него.

– Хорошо, – он пожал плечами. – Ты всегда умел удивлять. Я как раз собирался ужинать, составишь компанию? А то после Галендара все никак в спокойной обстановке тебя поймать не могу. И твою... хм, леди, я тоже приглашаю, раз она теперь моя гостья.

Его это забавляло, лорд Лангер театрально поклонился мне.

– Думаю, Мэрион устала, ей лучше пойти отдохнуть, – сказал Рикхард.

И вот кто меня за язык тянул?

– Я не устала, – сказала я. – Благодарю вас, милорд.

Главное, не пытаться делать никаких реверансов, а то как королева на балу. Я та, кто я есть, не нужно стоять из себя леди... Зачем влезла – сложно сказать. Но раз уж меня втянули, привезли сюда, лучше присмотреться. И мне хотелось увидеть Рикхарда чуть со стороны, понять, что он за человек и чего мне ждать дальше. Я понимала, что на ужине с герцогом и императором я буду выступать в роли дрессированной обезьянки... и было страшно.

Я видела, как Рикхард колебался.

Мне даже показалось, он пожалел, что притащил меня сюда. Но отступить поздно.

* * *

За столом окончательно пожалела, что вообще раскрыла рот. Отправилась бы сейчас в отдельную тихую комнату. Может быть, мне бы даже повезло и предложили бы ванну. И ужин попроще.

Потому что это...

Поняла, что не могу это есть. То есть, вообще ничего есть не могу, кусок в горло не лезет. Четыре золоченые вилки передо мной – разной формы, на конце каждой изящный финифтевый медальон... две ложки, три ножа. Я даже представить себе не могла, что делать со всем этим великолепием.

Незабудки на тончайшем фарфоре. Искрящийся хру-

сталь.

Зачем я здесь?

Даже слуги, подающие еду, поглядывают на меня с таким высокомерием...

Рикхард и лорд Лангер говорили о чем-то своем, непонятных мне людях, каких-то делах. Только лорд Лангер иногда поглядывал с интересом, и это...

Смущало, да.

Я не понимала, как себя вести.

Дома я была на своей территории, там всегда четко обозначены правила и роли. Если ты пришел в бордель, будь хоть простой рыбак, хоть император, но от меня требуется только одно. Здесь же...

Рикхард тоже, казалось, не понимал, что я здесь делаю, и сам предпочитал делать вид, что меня нет.

Какого черта...

Я отпила немного вина.

– Вы ничего не едите, леди Мэрион, – улыбнулся мне лорд Лангер.

– Я не ужинаю так поздно, милорд, это вредно для фигуры.

– Вы бережете фигуру?

Я смотрела ему прямо в глаза. Он ведь отлично все понимает.

– Должны быть хоть какие-то козыри, это важно в моей работе, – я улынулась так непринужденно, как только мог-

ла. – Я уже не девочка, и даже седые волосы появились. Но с фигурой пока полный порядок, не изменилась с юности.

Лорд Лангер усмехнулся, глянул на Рикхарда.

– Она ведь не врет? Ничего так, да?

Рикхарт только хмуро скрипнул зубами.

К черту. Я не стану строить из себя леди, шутам и шлюхам позволено куда больше.

– Но вы не отказались от моего приглашения, – сказал лорд Лангер мне.

– Я никогда не ужинала в подобной компании, мне стало интересно, – сказала я. – Тем более, не очень вежливо отказываться от приглашения хозяина дома.

– Хм, – с интересом сказал он. – Вы предпочитаете не отказывать? Это тоже козырь в вашей работе?

Я отпила еще немного вина, стараясь хоть немного взять себя в руки и не теряться под его взглядом. Руки чуть дрожали.

Шлюхи не отказывают?

– Отказывать приходится в любом случае, – сказала я. – Бывают ситуации, в которых соглашаясь с одним, тем самым, отказываешь другому. Приходится выбирать. Хотя, в моей работе, чаще, соглашаясь с кем-то, отказываешь себе.

Лорд Лангер засмеялся.

– Да вы философ, леди! – он глянул на Рикхарда. – Она мне нравится! Я, кажется, начинаю понимать. После Фейрин-то! Леди Мэрион, у меня есть предложение. Когда Рик-

харду наскучит ваше общество, приходите ко мне, я буду брать вас на все приемы, и вы будете развлекать непринужденной беседой моих друзей. Я буду хорошо платить вам.

Он отсалютовал мне бокалом.

Шуты и шлюхи.

– Я подумаю над вашим предложением, милорд.

Не знаю, как пережила этот вечер. Я краснела, у меня потели руки, но я старалась держаться изо всех сил, отвечая на все провокационные вопросы лорда Лангера. Честно, без заигрываний, я понимала, что заигрывания мне сейчас не к лицу. Иногда, говоря о своей жизни, чудом держась на грани откровенности и откровенной пошлости. Не знаю, удалось ли эту грань не перейти. С другой стороны, стесняться мне нечего.

Лорд Лангер тоже не стеснялся откровенных тем.

Как давно я этим занимаюсь? Почему пришлось? Много ли у меня бывает мужчин, хм, скажем, за неделю?

Лангер не знал, что я та самая девушка, которую он купил для Рикхарда перед его свадьбой. И я не стала говорить. В этом мне виделось что-то личное, что хотелось уберечь от чужих глаз. Рикхард молчал тоже.

Он вообще молчал, только смотрел на меня. А если лорд Лангер обращался к нему, то отвечал всегда односложно. Наблюдал. Внимательно.

Вмешался только раз. Остановил.

Лорд Лангер спросил, сколько мне лет, потом – есть ли у меня дети. Нет, детей нет. А вообще, как это бывает? У меня же ведь, наверняка случалась беременность, при моей-то работе? Да. Трижды. Еще в юности, но меня заставляли избавиться. Кому нужна беременная шлюха? На самом деле, говорить об этом было больно, но я уже решила стоять в своей откровенности до конца. Я смотрела ему в глаза. Наверно, я безумно хотела, чтобы он сам смутился... пусть это и невозможно. Три беременности. В первые две мне, едва заметив, давали отвар белодевичника. В третий раз я пыталась скрыть, я так хотела... Мне удалось доходить до четырех месяцев... не знаю, на что надеялась, но... А потом, когда стало ясно, меня избили так, что случился выкидыш. Это была девочка, мне показали. И больше...

Дрожали губы. Я сидела, комкая салфетку под столом.

– Хватит! – Рикхард резко поднялся на ноги. – Лан, заканчивай это. Мне пора идти.

Эта тема задевала его самого. Потерять ребенка.

Я думала, он уйдет сразу. Но он глянул на лорда Лангера, и подошел ко мне. Я тоже поднялась. Он взял меня за руку. Едва заметно, и как-то чуть неуверенно улыбнулся. Наклонился и быстро поцеловал меня, в уголок губ. Это было странно. Мне подумалось даже, он сделал это не потому-то хотел поцеловать, тогда было бы иначе. Не для меня. А для этого Лана – чтобы обозначить свое отношение, показать, что я – его женщина. Что я...

Смешно.

Кто я такая?

И только потом вышел. И в дверях еще: «Отведи Мэр в ее комнату. Пусть отдыхает. Хватит этой болтовни».

Лорд Лангер подчинился, подчеркнуто неторопливо. Дожевывая последний кусок, положил нож с вилкой, отпил из бокала немного вина, церемонно промокнул губы салфеткой. И только потом встал.

– Идемте, леди, – он ухмыльнулся мне.

Стоило Рикхарду скрыться за дверью – и что-то неуловимо изменилось. Взгляд лорда Лангера на меня. Без императора рядом со мной я больше не леди, я та, кто я есть – дешевая шлюха.

– Пошли, – сказал лорд Лангер. – Я покажу. Заодно скажу тебе пару слов. Ты же ведь понимаешь, что за человек тебя привел?

– Да, – тихо сказала я.

– Я обязан подчиниться ему, но, скажу сразу, мне эта история не нравится. Подобное увлечение, даже самое мимолетное, бросает тень. Я был бы рад, если бы ты просто тихо исчезла.

Честно говоря, стало не по себе. Меня ведь не убьют? Нет? Чего проще – придушить, и сказать Рикхарду, что я сбежала. Вряд ли он будет искать меня. Никто не будет.

– Не бойся, – сказал лорд Лангер. – Пока я не собираюсь

ничего предпринимать. Если только отвлечь его, он легко увлекается и так же легко теряет интерес. У Рикхарда сложный характер, и мне бы не хотелось попасть под горячую руку. Это ведь не он тебя так?

Кивнул на мое лицо.

– Нет, – сказала я.

– Но он ударил того, кто это сделал? – лорд Лангер усмехнулся снисходительно. – Его всегда тянуло на приключения. Очень надеюсь, на этом его чувство справедливости утомится. Я сделаю все, как хочет Рикхард. Найду тебе квартиру, пришлю... да, прислать врача, чтобы осмотрел тебя – точно не мешает. Мало ли что, ему не нужны проблемы. Но ты сделаешь так, чтобы следующая ваша встреча не доставила Рикхарду удовольствие. Тогда на этом все закончится. Надеюсь, ты поняла меня. Ты, вроде, умная женщина. Так будет лучше для всех. Если после вашей следующей встречи Рикхард не захочет новой, я заплачу тебе. Сколько ты рассчитывала получить в этой истории? Тысяч пять? Нет? Больше? Двадцать? Я дам двадцать. Не советую пытаться получить больше. Если твои аппетиты начнут превышать пределы моей щедрости, я просто намекну одной ревнивой женщине, и она сама быстро устранит проблему, мне даже не придется пачкать руки. Ты меня поняла?

– Да, – сказала я.

– Устрой ему истерику, – сказал лорд Лангер. – Он терпеть этого не может. Начни требовать подарков, расскажи ему ка-

кую-нибудь дурь, что влюблена в него, что хочешь от него детей. Веди себя, как все эти курочки, что бегают за ним по пятам. Скажи, что всегда мечтала попасть во дворец. Заставь его слушать, как ты поешь, в конце концов.

— Я не умею петь.

— Тем лучше. Тем более заставь. Тебе ведь не нужны неприятности? Хотя просто будь бревном в постели, каждая женщина может это. Но пусть второй раз он не захочет прийти. Поймет, что это было ошибкой. Ты ведь и сама понимаешь, что ничем хорошим эта интрижка кончиться не может? Тебе и так сказочно повезло, не стоит искушать судьбу.

Я понимала.

Общество простит императору случайную ночь в борделе, перемоем косточки, но простит. У каждого свои слабости. Но общество не простит, если он притащит шлюху к себе домой. Это как пощечина.

Я ведь и не хотела. Все вышло само.

Самое правильное — взять деньги и сделать так, как хочет лорд Лангер. Выгоднее, разумнее. Тихо закончить, дать Рикхарду возможность отказаться самому. Мне не нужны неприятности.

И все же...

Когда он взял меня за руку... Нет, тот поцелуй ничего не значит, почти в щеку, почти формально. Но его пальцы, сжимающие мою ладонь... Нежно, но словно поддержка нужна ему самому. Его глаза. И одиночество в глазах.

Боже мой, о чем я думаю?

7. Четвертый раз

Меня отвезли туда утром.

Никогда не думала, что я могу так жить! Пусть даже это на несколько дней. Гостиная, спальня, столовая... белоснежная скатерть, цветы на столе. Фортепьяно в гостиной. Я, конечно, не умею играть, но это что-то удивительное, из другой жизни, к которой можно вот так прикоснуться.

Мне привезли пару простых домашних платьев и одно для выхода на улицу. Завтра приедет портной, можно будет подогнать по фигуре, заказать что-то еще, но и это, если по мелочи, я могу подогнать сама. К вечеру должен прийти врач, а пока... я свободна.

Обед на столе, продукты в кладовке, готовить я могу и сама.

И никого.

Я могу делать все, что захочу.

Могу просто взять, собрать все свои вещи и уйти отсюда. Могу остаться.

Вчера, в доме герцога, я все равно не могла расслабиться. Там кругом были люди, столько всего свалилось разом. А сейчас – тишина.

Никакого Миклоша больше. Никогда.

Долго просто лежала на кровати, глядя в потолок. Наслаждаясь.

Потом налила ванну. Там такое душистое мыло...

Что бы ни случилось дальше, я все равно рада, что вышло так. Хоть мимолетно увидеть другую жизнь, хоть день прожить спокойно.

Я понимала, что лорд Лангер прав. Самое лучшее – взять деньги и уехать. Этого хватит, чтобы снять комнатку, устроиться, хватит на первое время... надолго хватит. Я найду, чем заняться, найду работу. Я уже не девочка, умею многое. Хуже чем было – не будет. Мне и без того повезло, он прав – не стоит искушать.

Пять тысяч лорд Лангер дал мне сразу. Сказал, я могу остаться в этой квартире неделю, и получу еще двадцать, если за неделю Рикхард больше не придет.

Большие деньги, которые мне не нужно ни с кем делить.

Такой соблазн – взять и исчезнуть. Свобода, наконец. Я столько лет мечтала о свободе.

Да предложи мне кто такое месяц назад – я прыгала бы от радости.

Но сейчас радости не было. Было смятение.

Наверно, оказавшись лицом к лицу, я просто пока не знала, что с этой свободой делать. Я привыкла жить так, как живу, день за днем. Раньше всегда понимала, что должна делать, чего стоит бояться. А теперь ничего не могла понять.

Нет, играть в игры с этими людьми я не могу, это слишком.

Интерес Рикхарда в любом случае не продержится долго.

Случайный порыв, а потом – желание восстановить справедливость. Он пожалел меня, забрав из борделя. Но это ничего не значит. Не больше, чем та сотня, которую я дала мальчику у банка.

Даже не увлечение – случайность.

Он император.

Ничего просто не может быть.

Вот только я вряд ли смогу сыграть правдоподобно.

Но я, пожалуй, смогу рассказать, что не хочу его видеть, что мне это не интересно. Такие вещи не говорят императору, но я... я скажу. Я ведь всегда говорю честно. Скажу, что хочу уехать. Могу рассказать даже, что люблю Миклоша, а он меня, просто ревнует. Так ведь бывает.

Да, что люблю другого, а с ним, если он платит, я, конечно, могу провести ночь. Это мой долг. Разве я могу отказать? Только зачем ему еще одно бревно, которое спит с ним из чувства долга?

Все будет так, как хочет лорд Лангер.

Мне сказали, он придет завтра вечером, мне нужно быть готовой. А сегодня у него какой-то званый обед...

У меня будет время. Я сумею придумать, как правильно себя вести.

* * *

Думала, что будет.

Но времени нет.

Уже почти ночь... Я не привыкла рано ложиться, поэтому, пытаясь чем-то себя занять, взялась немного перешить новое платье, чтобы сидело лучше.

Стемнело.

И я никак не ожидала, что кто-то постучит в дверь.

Испугалась. Мне даже показалось на мгновение – это Миклош пришел за мной, он нашел и хочет убить. Кто может стучать в дверь в такой час?

Я затаилась, тихо-тихо... Меня нет.

Глупо, я понимаю, в окнах горит свет, и гасить его – глупо тем более.

У меня второй этаж, я выглянула в окно. Там, внизу – никого.

И стук снова.

– Мэр! Ты ведь не спишь? Открой.

Рикхард.

Нет...

Я растерялась.

Со всех ног побежала, открыла, конечно.

Он стоял на пороге. Один. Бутылка вина и корзинка с какими-то пирожками. Я смотрела и не могла поверить. Я сплю? Бред какой-то. Его не должно быть здесь. И уж точно – не так.

– Можно войти?

Я... просто шагнула назад и в сторону. Зачем спраши-

вать? У меня...

– Слишком неожиданно, да? – спросил он.

– Да, сир. Простите...

Он чуть сморщился, словно от кислого, но не сделал даже шага ко мне, так и остался стоять.

– Как ты? – спросил только.

Как я? Это было так странно, что я даже не могла понять. Чего он хочет? И не заходит. Почему?

– Приходил врач, – сказала я, – сказал, что никаких нехороших болезней у меня нет, хоть это и удивительно. Так что можно не волноваться. Сказал, что с лицом тоже скоро...

– Мэр, – прервал он, едва заметно улыбнулся. – Я не об этом.

Нет? А о чем?

– Как тебе на новом месте? – сказал он. И все же протянул мне корзинку с пирожками. – С новосельем. Штопор у тебя здесь есть?

– Не знаю. Я... посмотрю сейчас.

Штопор Рикхард нашел сам, на кухне. И бокалы – в серванте.

Вывалил пирожки в глубокую миску, принес, поставил на журнальный столик в гостиной. Налил вино.

– Сядь, – велел он. – Не нужно смотреть на меня так испуганно. Вчера ты отлично держалась. Лан запугал? Слишком замучил вопросами?

Слишком. Но разве такое скажешь?

– Нет, все хорошо, – сказала я.

Он не поверил.

– Лан бывает фантастически бестактен, это нужно принимать как данность. Но спокойно относится, когда с ним так же бестактны в ответ. Он уже предлагал тебе денег, за то, что ты сбежишь от меня?

Рикхарт чуть заметно улыбался. Он знает. А если не знает, то догадывается.

На несколько мгновений сердце остановилось.

– Да, – сказала я. – Предлагал.

Глядя в глаза. Когда говоришь правду – проще, словно гора с плеч. Не нужно изворачиваться и врать.

– Хорошо, – улыбнулся Рикхарт.

– Хорошо?

– Да, – сказал он. – И что ты решила?

Начистоту?

– Думаю, для меня лучше всего взять деньги. Когда еще столько предложат?

– Разумно, – согласился он. – Я бы на твоём месте решил так же. Но пока ты ещё здесь – ведь не откажешься поговорить со мной? Бери пирожки. Честно говоря, даже не знаю с чем, но сказали – вкусные. Единственное, что мне попало по дороге в такой час.

Он взял сам из миски, откусил.

– С капустой! Вполне ничего, – сказал с набитым ртом. –

Извини, я сегодня не обедал, не успел, и сбежал с ужина.

– Поговорить о чем?

Рикхард кивнул, дожевывая.

– Сразу видно, что ты серьезная девушка, – сказал он. – Вначале о делах. У меня тоже есть предложение тебе.

Я напряглась.

Предложения заманчивы, но так же и опасны. Кто знает, чем это обернется для меня.

– Пирожки бери, – улыбнулся Рикхард. – Опыт подсказывает, что сытая женщина куда сговорчивее.

Невозможно отказать.

Пирожки действительно оказались вкусные, но вот мне попался с луком и яйцом. И потом, еще минут десять, мы с Рикхардом разламывали и надкусывали их все, разглядывая, что внутри. Нашли еще пять с капустой, три с луком, три с яблокам, два с грибами и один с мясом. Разложили кучками. А с мясом Рикхард радостно забрал себе, как самый голодный из нас, я не возражала. Это было как-то неожиданно непосредственно и мило. Зато я отобрала себе все с грибами – очень их люблю.

– Так вот, предложение, – Рикхард съел три пирожка и довольно откинулся на спинку дивана. – Я предлагаю тебе остаться тут на месяц.

Его расслабленная поза и даже улыбка на губах. Но в глазах – сосредоточенное внимание.

– Месяц? – тихо сказала я.

– Да, – сказала он. – Сколько времени дал тебе Лан? Меньше? Наверняка меньше, и наверняка пытался запугать тебя. Это хорошо, потому что теперь ты лучше понимаешь, чего от него ждать. Я поставлю тебе охрану. Я сделаю даже лучше – назначу Лана ответственным за твою безопасность. Ты не устраиваешь его, но пока не настолько, чтобы идти на прямой конфликт со мной. Поэтому своими руками он тебе мешать не станет, ему не выгодно. А теперь не станет мешать даже чужими руками, потому что если что-то случится, виноват будет он. А я позабочусь, чтобы становиться виноватым он не хотел. Не люблю игры за моей спиной.

Рикхард начал легко, но с каждым словом интонации становились все более холодными, деловыми. Он говорил о делах.

– Что от меня требуется? – спросила я.

– Оставаться тут, – сказал он, – и быть готовой принять меня в любой момент. Не только по вечерам, бывает, что вечера у меня заняты, но есть свободное время днем. Я не запрещаю тебе выходить из дома, но говори консьержу когда вернешься и, желательно, куда идешь, чтобы я знал – имеет ли смысл тебя подождать. У тебя будет все необходимое. У тебя будет охрана. Я не буду надоедать тебе слишком часто, не каждый день – точно. Но тебе придется не только выполнять обычные обязанности в постели, но и терпеливо выслушивать мои жалобы на тяжелую жизнь, как все задолбало и

никто не понимает моей нежной ранимой души, – он криво ухмыльнулся, правда без тени веселья. – Слушать, кивать и гладить по головке. За это я хорошо заплачу.

Он смотрел прямо мне в глаза.

– Никто не хочет слушать это бесплатно? – я тоже попыталась улыбнуться, но...

– Есть и такие, – сказал он холодно. – Но, боюсь, в итоге они обойдутся мне дороже, найдя кому продать и как использовать эту информацию. У тебя пока нет налаженных контактов и связей, а потом, даже если будут, многое станет не актуально, – он вздохнул. – Я серьезно, Мэр. Я тут поймал себя на том, что начинаю напиваться вечерами, и мне это не нравится. С тобой – куда безопаснее.

Платить за возможность выговориться.

– Хорошо.

– Хорошо? – он удивился. – Даже не узнав цену?

– Я верю в вашу щедрость, сир.

Мне было бы достаточно и так... Отказать я все равно не смогу.

– После Галендара, – сказал Рикхард, – короне отошло достаточно много земель... по разным причинам. Через месяц я готов сделать тебя баронессой Тьорка. Это острова на северо-западе, небольшие, почти пустынные. Дохода с них почти нет, живут только рыбаки и пастухи. Впрочем, если подойти к делу с умом, можно извлечь доход и из этого. Но земля дает титул. И, соответственно, положение в обществе.

А извлечь выгоду из положения – обычно куда проще, чем из далеких пустынных земель.

Это было просто невысказуемо.

Я не могла поверить.

– Вы шутите, сир?

– Нет, – сказал он. – Я не предлагаю больше, чем могу себе позволить. И давай договоримся еще. Ты обращаешься ко мне «Рико» и на «ты», это обязательно. Постарайся.

Напряженно. Он сидел, подобрившись, словно ошестившись, отгородившись от меня стеной четко обозначенных границ откровенности. Ему действительно нужно, но совсем непросто будет раскрыться.

– Тогда можно одно условие от меня? – сказала в ответ. – Иначе у нас ничего не выйдет. Я тоже буду жаловаться тебе на жизнь, обещаю не мучить слишком сильно.

Откровенность на откровенность – куда легче.

В его глазах сверкнул интерес.

– Идет, – сказал он. – Значит, ты согласна?

Подался вперед, протянул мне руку.

Титул... это больше похоже на бред или на обман. Но я буду душой, если откажусь.

– Согласна.

Пожала его руку.

– Отлично! Ну, и кто жалуется на жизнь первый? – уже откровенно довольно усмехнулся он.

– Пирожки доешь сначала, – сказала я.

Он кивнул. Впрочем, жаловаться ни на что не стал. Просто смотрел на меня. И под его взглядом я не знала, как сесть, куда деть руки... что-то сказать? Не умею я вести непринужденные разговоры, от меня всегда совсем другое требовалось. Чего он ждет? Было бы куда проще сразу пойти в спальню...

Думаю, он понимал.

– Не смущайся, – сказал он. – Если мне захочется что-то сделать, я это сделаю, и скажу сам. Тебе не нужно пытаться развлекать меня болтовней, это будут делать другом месте. Честно говоря, я от разговоров устал, сегодня целый день встречи и заседание Совета. Сядь лучше поближе.

Я села. Хотела рядом, но он успел поймать, подхватить и посадил к себе на колени.

Его лицо совсем близко. В его глазах отражаются блики хрустальной люстры...

Так вышло, что я оказалась повернута к нему разбитой щекой, и не пересест, он держит меня крепко. Так близко...

– Еще болит? – тихо спросил он.

Я даже вздрогнула.

– Нет... просто...

– Думаю, тот придурок сейчас выглядит не лучше, – Рикхард ухмыльнулся.

И я невольно улыбнулась тоже.

– Зачем ты это сделал?

– Захотелось, – он пожал плечами. – Не сдержался. У ме-

ня, на самом деле, очень сложный характер, достался от матери. Ты просто еще не успела это оценить.

– Буйный и несдержанный, как у настоящего илитрийца?

Его мать принцесса Илитрии, горячая южная кровь, даже несмотря на воспитание. Говорят, она до сих пор держит весь дворец в страхе.

– Да, – Рикхард потянулся, осторожно коснулся губами моей щеки.

– И черные кудри тоже от матери, – сказала я, погладила его по волосам. – Только теперь короткие.

– Тоже, – согласился он. Прикрыл глаза. Я перебирала пальцами его волосы, ему нравилось. Признаться, мне тоже, было в этом что-то успокаивающее.

– Вот смотри, я уже глажу тебя по головке, – сказала я.

Он тихо засмеялся.

– У тебя здорово получается.

И что-то такое в его голосе, или в его глазах, он глянул на меня... но я не успела понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.